

Рассмотрены вопросы правового регулирования отношений в сфере искусственного прерывания беременности в контексте законодательства раннего советского государства. Обращено внимание на значимость указанной частной сферы для молодого государства в период его становления. Подчеркивается важность исследования ретроспективы правового регулирования этих отношений в контексте демографической безопасности и современного законодательства. Внесены предложения по учету опыта правового регулирования при разработке проектов изменений и дополнений в действующее современное законодательство.

Ключевые слова: советское законодательство; ретроспектива; правовое регулирование; искусственное прерывание беременности (аборт); показания к искусственному прерыванию беременности.

Марина Васильевна Андрияшко, канд. юрид. наук, PhD, доцент, старший научный сотрудник, кафедра «Гражданское право и гражданское судопроизводство», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Челябинск, Россия; andryashkomv@mail.ru

РЕТРОСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РАННЕГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Введение. В начале 1990-х гг. в новых постсоветских государствах, приобретших государственный суверенитет, возникла не только самостоятельность, но и новые явления в демографических процессах: безработица, снижение уровня жизни, снижение темпов воспроизводства населения, и др.

Указанные явления не были исключением и для Республики Беларусь. Более этого, для Беларуси того времени были характерны высокие показатели численности регистрируемых аборт (здесь и далее «аборт» и «искусственное прерывание беременности» приводятся в качестве синонимов – М. А.), а также гиперсмертность (сверхсмертность). Например, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2000 г. численность населения составляла 10 002,5 млн человек (численность населения Беларуси после этого года никогда не превышала отметку в 10 млн человек) [4, с. 36], при этом на 100 родов в 2000 г. приходилось 128,7 аборт (в абсолютных числах – 121,9 тыс. аборт) [12, с. 131]. Отметим, что в указанный год родилось 93 691 человек и 134 867 человек умерло [4, с. 131].

Данные за 2018 г. свидетельствуют о том, что на 100 родов пришлось 24,9 аборт (в абсолютных числах – 23,3 тыс. абортов) [12, с. 131], при том, что родилось 94 042 человека и умерло 120 053 человека [12, с. 47]. Таким образом, в настоящее время по сравнению с началом 2000-х гг. в Беларуси наметилась устойчивая тенденция к снижению численности абортов – за 18 лет в 5,23 раза (при сохранении показателей рождаемости и смертности на уровне 2000-х гг.), несмотря на то что объективно она по-прежнему высока – каждая четвертая беременность искусственно прерывается.

Ввиду указанного, проблематика искусственного прерывания беременности имеет потенциал в контексте обеспечения устойчивого состояния демографической безопасности. Исследовательский интерес сводится к изучению ретроспективы правового регулирования искусственного прерывания беременности в раннем советском государстве (1920-е – 1930-е гг.), когда наряду с вопросами геополитического характера решались вопросы, относящиеся к исключительно частноправовой сфере, что свидетельствует о значимости для советского государства в период его становления вопросов демографической политики.

Цель исследования – проследить тенденции в правовом регулировании абортов и выявить результаты внедрения в разное время двух противоположных направлений государственной демографической политики: поощрения рождаемости (пронатализм, либеральный подход к регулированию аборта) и ограничение рождаемости (антинатализм, консервативный подход к регулированию аборта) в советском государстве.

Методология и методы исследования. Состояние отношений в связи с искусственным прерыванием беременности отражается в государственной статистической отчетности, широко освещается исследователями – представителями различных областей научного познания: истории, философии, демографии, социологии, психологии, медицины, экономики, юриспруденции, труды которых легли в основу настоящего исследования. Автор статьи при ее написании использовал общенаучные методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. По справедливому замечанию В. В. Солодникова, «существуют два основных метода регулирования деторождения: предотвращение беременности с помощью различных способов контрацепции (физиологической или искусственной – механической, химической, биологической, хирургической и их комбинаций) и ее прерывание с помощью аборта (лат. *abortus* – выкидыш)» [11].

При проведении исследования, изучении литературы сделан вывод о том, что в законодательстве послереволюционного периода, законодательстве раннего советского государства в качестве синонимичных используются специальные термины «выкидыш» [11, с. 78], «искусственный выкидыш» [6], «искусственный аборт» [6], «вытравливание плода» [11, с. 78], и др.

Как отмечает Е. А. Садвоксаова, к аборту, как к одному из способов регулирования размеров семьи, отношение «...со стороны государства и общественности неоднократно менялось на протяжении истории человеческого общества» [10, с. 5].

По словам М. Я. Карлина, «впервые мы находим учение об искусственном выкидыше и о предохранении от зачатия научно обоснованным у Сорана из Эфеса (100 лет после Р. Х.). Он рекомендует производство аборта в тех случаях, когда продолжение беременности грозит жизни и здоровью матери» [6, с. 7].

«В присяге Гиппократов искусственный аборт упоминается как преступное деяние...» [6, с. 7]. Философ Платон (427 – 347 до н.э.) допускал ограничение размеров семьи для сохранения ее благосостояния [10, с. 5]. Ученик Платона Аристотель (384 – 322 до н.э.) считал целесообразным ограничение размеров семьи после рождения достаточного количества детей, а также в случаях голода в стране [6, с. 7; 10, с. 5].

«В древнем Риме отец как собственник будущего ребенка имел право сам решать вопрос продолжения или прерывания беременности» [10, с. 5]. М. Я. Карлин дополняет, что в целом «в Риме прерывание беременности было очень распространено», при этом отмечая, что «Seneca, Iuvenal и Ovidius преследовали искусственный аборт в своих сочинениях» [6, с. 7].

В этом контексте могут быть упомянуты слова Н. П. Боголепова, согласно которым отцу было запрещено убивать детей моложе трех лет. Исключение допускалось только относительно детей чудовищного вида: их отец «мог убивать тотчас после рождения, показав предварительно такого уродяку пяти ближайшим соседям и получив их одобрение. Нарушивший эти правила относительно воспитания и убийства подвергался конфискации половины его имущества» [2, с. 28; 3, с. 51].

По поводу вопросов регулирования размеров семьи К. Маркс писал: «я все же остаюсь при том мнении, что это – частное дело мужа и жены и, пожалуй, их семейного врача» (К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. Т. XXVII) [10, с. 7].

Таким образом, следует согласиться с мнением выдающегося современного белорусского социолога А. Г. Злотникова, который отметил, что «уже древние философы, начиная от Платона и Аристотеля, подняли целый пласт демографических проблем, заложили основные методологические подходы их анализа. Большинство тех демографических (или связанных с ними) проблем, которые стоят и перед современными политиками, демографами, экономистами, социологами, географами, медиками, уже были поставлены древними греками. Это отношение к росту численности населения; это проблемы оптимума населения, брака, рождаемости, аборт; это границы репродуктивного возраста и пронаталистской политики; это проблемы гендерных отношений и разводимости; это и состояние здоровья населения, воспитания детей и многое-многое другое» [5, с. 17 – 18].

Советская Россия впервые в мире легализовала аборт совместным постановлением Народного Комиссариата здравоохранения и Народного Комиссариата юстиции от 16 (18) ноября 1920 г. «Об искусственном прерывании беременности» [8]. Солодников В. В. именуется легализованную возможность искусственного прерывания беременности «аборт по просьбе (женщины)» [11, с. 80].

Как отмечает коллектив авторов (А. Вишневецкий, В. Сакевич, Б. Денисов), «это было сделано новой большевистской властью, но вопрос

о декриминализации аборта понимался и раньше». Как отмечалось в постановлении Двенадцатого Пироговского съезда русских врачей в 1913 г., борьба с абортами (искусственными выкидышами) «должна вестись в области государственных и специальных реформ, а не карательных мер... Нынешнее законодательство об абортах не соответствует требованиям времени и должно быть пересмотрено...» [9].

В 1925 г. в Саратове доктором Г. А. Лapidусом была издана брошюра «Аборт», посвященная «матери-пролетарке», содержащая следующее популярное обоснование легализации аборта: «подобно туберкулезу, алкоголизму, венерическим болезням и проституции, задерживающим прирост народонаселения и ведущим человечество к вырождению, искусственное предупреждение беременности и аборт препятствуют размножению и понижают степень экономического благосостояния. Так, для настоящего времени плодовитость в России принимается равной 44,4 на тысячу, а смертность 31,4 на тысячу, так что прирост не превышает 13 на тысячу населения (в 1914 году прибыль в населении равнялась 17,3 на тысячу, в годы войны начала стремительно падать и в 1920 году перешла в отрицательную величину: смертность превысила рождаемость на 8,1 на тысячу населения)» [1, с. 9].

Главными задачами совместного постановления Народного Комиссариата здравоохранения и Народного Комиссариата юстиции от 16 (18) ноября 1920 г. стали: «извлечь аборт из подполья, поставить его в нормальные условия наравне со всякой другой хирургической операцией, т.е. добиться его максимальной безвредности, иметь возможность изучить глубокие причины и поводы к прекращению беременности, ликвидировать незаконные способы производства аборта... Отныне наказуемы только те аборт, кои производятся вне больничной обстановки и не силами врачей» [1, с. 9].

Предусматривалось прерывание беременности по социальным и медицинским показаниям. К социальным показаниям были отнесены: «нужда (материальная необеспеченность, низкая заработная плата), многодетность, необходимость переезда, общественная занятость, недостаточная жилищная площадь, изнасилование, особенно девочек, обольщение в состоянии опьянения, случайная беременность, страх материнства, нелюбовь к мужу, разлад в семье и многие другие мотивы, интимный характер и многообразие которых делают их весьма растяжимыми» [1, с. 11].

Медицинские показания к прерыванию беременности носили обобщенный характер, позволяющий свести их содержание к «болезням беременной: узкий таз, тяжелые пороки сердца, далеко зашедший туберкулез, воспаление почек, неукротимая рвота, душевные заболевания и некоторые другие (например, кровоточивость, злокачественное малокровие, иногда базедова болезнь – зоб и хорея – “пляска св. Витта”)» [1, с. 11].

Легализация вывела из подполья криминальный аборт, что привело к быстрому увеличению количества зарегистрированных искусственных абортов. Как отмечается, «с 1924 года в стране стала постепенно налаживаться статистика прерванных беременностей. Согласно данным абортных комиссий, в 1924 году в Москве было зарегистрировано 14 тыс. абортов, а через три года, в 1927 году, – уже почти 46 тыс., рост более чем в 3 раза.

В 1927 году число прерванных беременностей в Москве и Ленинграде приблизилось к годовому числу родов, а к 1934 г. в Москве на одно рождение приходилось уже около 3 аборт; 6 – 8 аборт стало нормой для горожанки в возрасте от 30 до 35 лет» [9]. «По данным ЦСУ РСФСР в 1927 г. частота аборта в городах составляла 25 на 1000 рождений, в Москве и Ленинграде – 70 – 80. По данным В. В. Паевского в 1928 г. в Ленинграде аборт составляли 58 % всех учтенных беременностей» [10, с. 8].

«Однако уже в 1924 г. органы здравоохранения создают “абортные комиссии”, которые выдают разрешение на бесплатный аборт, применяя при этом классовый подход и регулируя очередность желающих. Для многих женщин, не получивших “разрешение на аборт”, он становился платным. Примечательно, что вскоре позитивная оценка эффективности работы этих комиссий стала ставиться в прямую зависимость от количества отказов на аборт. До 1930 г. в СССР публиковалась статистика об абортах, которая свидетельствовала о постоянном росте их количества. С начала 1930-х годов она была засекречена. В 1939 г. сбор статистических данных об искусственных абортах был полностью прекращен» [11, с. 80].

Как отмечает Е. А. Садвокасова, во второй половине 1930-х гг. в СССР в контингенты рождающих женщин начало вступать «...малочисленное поколение, родившееся в годы первой мировой войны, когда рождаемость была очень низкой, что стало отрицательно сказываться на уровне рождаемости. В связи с этим 27 июня 1936 г. было издано постановление правительства СССР “О запрещении аборт, увеличении материальной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах”. После выхода этого постановления законным стал считаться лишь аборт, произведенный по медицинским показаниям...» [10, с. 8].

Комментируя события 1930-х гг. в области статистического учета направлений демографической сферы, А. Г. Злотников отмечает, что «”репрессированная” перепись населения 1936 г. не подтвердила надежд советского руководства на автоматическое преимущество социализма перед капитализмом в демографической сфере. Репрессии против руководителей Всесоюзной переписи и руководителей областных комитетов по статистике, табу на публикацию показателей по демографии, закрытие в конце 1930-х гг. Института демографии АН УССР и Ленинградского демографического института АН СССР негативно сказались на исследованиях демографических процессов в СССР. С конца 1930-х гг. демографические исследования, как и вся демографическая статистика, попали в разряд запретных. Даже данные по общей численности населения стали или секретными, или в лучшем случае – “для служебного пользования” вплоть до середины 1950-х годов. Естественно, в этой ситуации демографические и социологические исследования в Беларуси, как и в целом по СССР, были практически прекращены» [5, с. 206–207].

Тем не менее нам представляются убедительными данные о регистрации аборт учреждений здравоохранения, изложенные в работе Е. А. Садвокасовой, согласно которым «за 1938 и 1939 гг. было собрано и

разработано на счетно-перфорационных машинах около 500 тысяч карт учета аборта по 30 территориям РСФСР и 6 областям УССР... систематически анализировалась периодическая отчетность по аборту, на основе которой для руководства здравоохранением в стране составлялись квартальные и годовые обзоры. Статистика тех лет показала, что уже в первый год после запрета (1937 г. по сравнению с удвоенным числом абортотворений за первую половину 1936 г.) количество зарегистрированных абортотворений снизилось в городах более чем в три раза, а в сельской местности более чем в четыре раза. Параллельно увеличилось число нелегальных абортотворений. В последующие годы число всех зарегистрированных абортотворений стало быстро увеличиваться» [10, с. 9].

Юридический запрет абортотворений не ликвидировал сами абортотворения, а лишь вызвал кратковременный всплеск рождаемости и создал предпосылки для латентных абортотворений. Как справедливо отмечает Е. А. Садвокасова, с мнением которой мы солидарны, острота запрета абортотворения притупилась в связи с тем, что «в период Великой Отечественной войны в тылу страны оставалось много мужчин производительного возраста, старые семейные связи нарушились, новые семьи возникали редко... На территориях, освобожденных от немецких оккупантов, жизнь заставляла производить абортотворения в связи с беременностями, возникшими в результате насилия» [10, с. 9].

«В послевоенные годы, начиная с 1946 г., количество всех абортотворений, главным образом за счет неполных абортотворений, стало быстро расти и к 1954 г. достигло того же уровня, что и в 1936 г.» [10, с. 9]. Одной из причин этого роста Е. А. Садвокасова называет возвращение домой мужчин, в связи с демобилизацией основного состава армии [10, с. 9].

Как отмечает В. В. Солодников, «позднейшие исследования показали, что в это время (1936 – 1955 гг.) абортотворения были широко распространены, несмотря на угрозы серьезного уголовного преследования. Подобный же опыт был в Румынии, где абортотворения были запрещены в период с 1966 по 1989 гг.» [11, с. 80]. Оценивая в целом опыт капиталистических стран Западной Европы, США, социалистических стран Восточной Европы, Е. А. Садвокасова отмечает, что «запрет абортотворения законом никогда и нигде не достигал цели, а лишь загонял абортотворения в подполье» [10, с. 9].

Нельзя не согласиться с мнением Г. А. Лapidуса, высказанным им в 1925 г., о том, что «не наказуемость искусственного выкидыша, а устранение причин, его порождающих, разрешит проблему абортотворений» [1, с. 13]. М. Я. Карлин, выражая собственный взгляд на вопрос о причинах быстрого роста абортотворений в 1926 г., отметил, что «в нем играют роль эгоизм, экономическая разруха при повышенных потребностях, глубокие социальные причины, к которым относятся ненормальности современного брака, влияние среды, общее падение нравственности, недостаточная забота со стороны общества о грудных детях, неизжитое еще традиционное отношение общества к внебрачным детям и незамужним матерям, легкая отзывчивость акушерок и акушеров в этом деле по разным соображениям и пр.» [6, с. 28].

Исторически период до и после 1920-х гг. характеризуется в целом как динамичный, когда геополитические и привычные традиционные устои рушились, а на их руинах создавались и навязывались новые нормы и правила. Подобные условия всегда создают безоговорочные предпосылки

для демографической модернизации, основой которой является, по словам С. Н. Тиводара, «изменение отношения населения к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти, изменение ценностей, моральных норм, мировосприятия, распространяющееся на матримониальное, прокреативное, сексуальное, семейное, жизнеохранительное, миграционное поведение, формирующее новый тип личности и общества» [13, с. 14–15]. Такие преобразования или как их называет С. Н. Тиводар «матримониальная экспансия» [13, с. 15] приводят к снижению рождаемости, трансформации институционально-правовой сферы, а также преобразованиям «...ментальной сферы, где брак, семья, дети перестают быть основополагающими ценностями человеческой жизни» [13, с. 15].

Одной из целей данной работы является сопоставление исторического и современного законодательства в данной сфере. Отношения в рамках институтов брака и семьи регулируются двумя группами норм: юридическими (нормы права) и традиционно-ментальными (мораль, обычаи, традиции). Однако в целях обеспечения наилучшего обеспечения прав и законных интересов брака и семьи руководствоваться в правовом государстве возможно лишь нормами права. Институты брака и семьи выполняют свою демографическую роль лишь при условии оформления правовой политики в сфере брака и семьи, основанной на правовых нормах. В то же время, отметим, внутрисемейная сфера помимо норм права урегулирована нормами морали и национальными традициями, что следует из содержания Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (*далее* – КоБС) [7]:

1) одной из задач брачно-семейного законодательства является укрепление семьи на принципах *общечеловеческой морали*, согласно абзацу второму ст. 1 КоБС [7];

2) под семьей понимается объединение лиц, связанных между собой, помимо прочего, *моральной* общностью и поддержкой, согласно части первой ст. 59 КоБС [7];

3) орган загс не вправе отказать в присвоении ребенку выбранного родителями собственного имени, если только оно не противоречит нормам *общественной морали, национальным традициям*, согласно части второй ст. 69 КоБС [7];

4) каждый ребенок имеет право на защиту своей личности от любых видов эксплуатации и насилия, в том числе *моральных*, согласно части первой ст. 189 КоБС [7];

5) порицается *аморальное*, не соответствующее устоявшемуся представлению о морали, поведение субъектов семейных правоотношений:

5.1) под социально опасным положением понимается обстановка, при которой лица, принимающие участие в воспитании и содержании ребенка, ведут *аморальный* образ жизни, согласно части третьей ст. 67 КоБС [7];

5.2) родители могут быть лишены родительских прав, если ведут *аморальный* образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка, согласно части первой ст. 80 КоБС [7];

5.3) если установлено, что родители ведут *аморальный* образ жизни в совокупности с другими асоциальными проявлениями, следует отобрание ребенка по решению комиссии по делам несовершеннолетних, согласно части первой ст. 80¹ КоБС [7];

5.4) усыновление ребенка отменяется, если усыновители ведут *аморальный* образ жизни, что оказывает вредное воздействие на усыновленного ребенка, согласно части первой ст. 138 КоБС [7].

Таким образом, нормативный правовой акт – не единственный источник регулирования внутрисемейных отношений. Помимо нормативного правового акта эта сфера регулируется нормами морали, при этом из положений КоБС следует, что мораль может быть «общечеловеческой» (ст. 1 КоБС) и «общественной» (ст. 69 КоБС), а также обусловленной «национальными традициями» (ст. 69 КоБС).

Указания на то, что понимать под общечеловеческой моралью, общественной моралью, на соотношение этих понятий, а также какие национальные традиции имеются в виду, в нормах КоБС отсутствуют. Представляется излишним, порождающим возможность неоднозначного понимания, неединообразного применения в связи с затруднительным для толкования содержанием упоминание в КоБС в одном и том же контексте терминов «общечеловеческая мораль» и «общественная мораль». Мораль общественная и мораль общечеловеческая являются, как минимум, разными по объему содержания понятиями. Учитывая указанное, видится целесообразным в целях обеспечения регулирования отношений на принципах прозрачности исключить из абзаца второго ст. 1 КоБС слово «общечеловеческой», а также исключить из части второй ст. 69 КоБС слово «общественной».

Заключение. В ходе проведенного исследования сложились предпосылки для формулировки следующих выводов.

1. Отношения в связи с искусственным прерыванием беременности имеют потенциал в контексте обеспечения устойчивого состояния демографической безопасности, в связи с этим, а также с учетом требований новой советской идеологии, советское государство легализовало аборт в 1920 г., став пионером в сфере правового закрепления дозволения аборта.

2. Результаты многих наблюдений свидетельствуют о том, что легализация абортов выводит из подполья криминальный аборт и способствует увеличению численности регистрируемых абортов, запрет абортов не влечет его искоренения или перманентного всплеска рождаемости, а лишь способствует его латентности, что негативно отражается на здоровье беременной женщины. Обе эти тенденции в равной степени оказывают негативное воздействие на демографический потенциал: легализация – способствует всплеску численности абортов и сокращению рождаемости; криминализация – способствует всплеску подпольных абортов и воспроизводительному потенциалу беременной abortируемой женщины.

3. Предусмотренные совместным постановлением Народного Комиссариата здравоохранения и Народного Комиссариата юстиции от 16 (18) ноября 1920 г. «Об искусственном прерывании беременности» социальные и медицинские показания сформулированы в духе времени, помимо этого формулировки носили чересчур неопределенный характер, что способствовало, безусловно, расширительному толкованию и повсеместному применению норм постановления. Данные формулировки социаль-

ных показаний, обусловленные такими мотивами, как «страх материнства; нелюбовь к мужу; разлад в семье; и другие», носят личный, интимный характер и не предполагают правовой регламентации, их действительность сложно установить, а еще сложнее доказать.

4. С 27 июня 1936 г. в связи с принятием соответствующего постановления законным стал считаться лишь аборт, произведенный по медицинским показаниям, что ожидаемо способствовало увеличению численности криминальных абортотворцев.

5. Институты брака и семьи выполняют свою демографическую роль лишь при условии оформления правовой политики в сфере брака и семьи, основанной на правовых нормах. В то же время отметим, что внутрисемейная сфера, помимо норм права, урегулирована нормами морали, национальными традициями. Полагаем, что при оформлении концепции демографической безопасности следует оперировать преимущественно и по возможности правовыми нормами и лишь там, где это обосновано, учитывать нормы морали в правовых предписаниях. Видится целесообразным в целях обеспечения регулирования отношений на принципах прозрачности исключить из абзаца второго ст. 1 КоБС слово «общечеловеческой», а также исключить из части второй ст. 69 КоБС слово «общественной».

Список литературы

1. **Аборт.** Матери-пролетарке посвящается эта брошюра. Саратов: Изд-во Саратовских известий, 1925. 48 с.
2. **Андрияшко М. В.** Опекунство и попечительство над несовершеннолетними в Республике Беларусь: монография. Барановичи: РИО БарГУ, 2014. 329 с.
3. **Боголепов Н. П.** Учебник истории римского права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 568 с.
4. **Демографический ежегодник Республики Беларусь:** стат. сб. Demographic Yearbook of the Republic of Belarus: Statistical Book; редкол.: И. В. Медведева (пред.), И. С. Кангро [и др.]. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. 429 с.
5. **Злотников А. Г.** Демографические идеи и концепции. Минск: Право и экономика, 2014. 388 с.
6. **Карлин М. Я.** Аборт и его последствия до и после революции. Как предупредить беременность. 2-е значит. дополн. изд. с диагр. и табл. Л.: [П. П. Сойкин], 1926. 47 с.
7. **Кодекс Республики Беларусь о браке и семье** [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 135-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 31.07.2018. – 2/2573.
8. **Об искусственном прерывании беременности:** постановление НК здравоохранения и НК юстиции от 16 (18) ноября 1920 г. // Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., Медгиз, 1958.
9. **Путь к запрету аборта в СССР** [Электронный ресурс]: Ин-т демографии Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», № 707 – 708, 28 нояб. – 11 дек. 2016 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0707/tema02.php>. (дата обращения: 11.09.2019).

10. **Садвокасова Е. А.** Аборт как социально-гигиеническая проблема: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1965. 24 с.
11. **Солодников В. В.** Аборт: правовое регулирование и общественное мнение россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 4 (88). С. 78 – 93.
12. **Статистический ежегодник 2019**: стат. сб.; редкол.: И. В. Медведева (пред.), И. С. Кангро [и др.]. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. 472 с.
13. **Тиводар С. Н.** Демографическая безопасность России: институционально-правовое обеспечение национальных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 23.00.02. Ростов н/Д, 2008. 57 с.

References

1. *Abort. Materi-proletarke posvyashchayetsya eta broshyura* [This brochure is dedicated to the proletarian mother], Saratov: Izdatel'stvo Saratovskikh izvestiy, 1925, 48 p. (In Russ.)
2. **Andriyashko M.V.** *Opeka i popechitel'stvo nad nesovershennoletnimi v Respublike Belarus'* [Guardianship and guardianship of minors in the Republic of Belarus], Baranovich: RIO BarGU, 2014, 329 p. (In Russ.)
3. **Bogolepov N.P., Tomsinov V.A. (Ed.).** *Uchebnik istorii rimskogo prava* [Textbook of the history of Roman law], Moscow: Zertsalo, 2004, 568 p. (In Russ.)
4. *Demograficheskiy yezhegodnik Respubliki Belarus'* [Demographic Yearbook of the Republic of Belarus]: stat. sb.; redkol.: I.V. Medvedeva (pred.), I. S. Kangro [i dr.]. Минск: Nats. stat. kom. Rесп. Belarus', 2019, 429 p. (In Russ.)
5. **Zlotnikov A.G.** *Demograficheskiye idei i kontseptsii* [Demographic ideas and concepts], Минск: Pravo i ekonomika, 2014, 388 p. (In Russ.)
6. **Karlin M.Ya.** *Abort i yego posledstviya do i posle revolyutsii. Kak predupredit' beremennost'* [Abortion and its consequences before and after the revolution], Leningrad: [P. P. Soykin], 1926, 47 p. (In Russ.)
7. **Kodeks Respubliki Belarus' o brake i sem'ye** [Code of the Republic of Belarus on marriage and family]: Zakon Rесп. Belarus', 9 July 1999, No. 278-Z; v red. Zakona Rесп. Belarus' ot 17.07.2018, NO. 135-Z, Nats. pravovoy Internet-portal Rесп. Belarus'. 31.07.2018. 2/2573. (In Russ.)
8. *Ob iskusstvennom preryvanii beremennosti* [On the artificial termination of pregnancy]: postanovleniye NK zdravookhraneniya i NK yustitsii ot 16 (18) November 1920, Postanovleniya KPSS i Sovetskogo pravitel'stva ob okhrane zdorov'ya naroda, Moscow, Medgiz, 1958. (In Russ.)
9. **available at:** <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0707/tema02.php> (accessed 11 September 2019).
10. **Sadvokasova Ye.A.** *Extended abstract of candidate's of medical thesis.* Moscow, 1965. 24 p. (In Russ.)
11. **Solodnikov V.V.** [Abortion: legal regulation and public opinion of Russians], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2008, no. 4 (88), pp. 78-93. (In Russ.)
12. *Statisticheskiy yezhegodnik 2019* [Statistical Yearbook 2019]: stat. sb.; redkol.: I. V. Medvedeva (pred.), I. S. Kangro [i dr.]. Минск: Nats. stat. kom. Rесп. Belarus', 2019, 472 p. (In Russ.)
13. **Tivodar S.N.** *Extended abstract of Doctor's of law thesis:* 23.00.02. Ростов н/Д, 2008, 57 p. (In Russ.)

Retrospective of Development of Relations in the Field of Artificial Termination of Pregnancy in the Legislation of the Early Soviet State

M. V. Andryashka, *Candidate of Law Sciences, PhD, Associate Professor,
Senior Researcher, Department of Civil Law and Civil Justice,
South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia;
andryashkomv@mail.ru*

The issues of legal regulation of relations in the field of artificial termination of pregnancy in the context of the legislation of the early Soviet state are considered. Attention is drawn to the significance of this private sphere for the young state during its formation. The importance of studying the retrospective of the legal regulation of these relations in the context of demographic security is emphasized. Proposals on draft amendments and addenda to the current legislation were made.

Keywords: Soviet legislation; retrospective; legal regulation; termination of pregnancy; indications for termination of pregnancy.

© М. В. Андрияшко, 2019

Статья поступила в редакцию 10.10.2019

При цитировании использовать:

Андрияшко М. В. Ретроспектива развития отношений в сфере искусственного прерывания беременности в законодательстве раннего советского государства // *Право: история и современность*. 2019. № 4(9). С. 7 – 17. doi: 10.17277/pravo.2019.04.pp.007-017